

Даля Трускиновская

Маршрут Оккама

Даля Трускиновская

Маршрут Оккама

«Автор»

Трускиновская Д. М.

Маршрут Оккама / Д. М. Трускиновская — «Автор»,

© Трускиновская Д. М.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Даля Трускиновская

Маршрут Оккама

Посвящается Арсению Молчанову

Пролог

День был довольно жарок, и путешественницы истомились в огромных, тяжеловесных, не ко всякой дороге, тем более – российской, приспособленных дормезах. Ближе к полудню они потребовали остановки.

Выскочив, расправив юбки, смеясь, они пошли вперед, срывая с обочин цветы, пачкая пальцы в млечном соке одуванчиков, заплетая послушные стебли ромашек, высматривая – не мелькнет ли где василек, а иные не брезговали и клевером, приседая на корточки, чтобы выпутать его из более высоких трав.

Шли пятые сутки пути. Неудобства уже начали сказываться – две ночи пришлось спать не раздеваясь. Но праздничный мир и молодость принадлежали сейчас этим юным женщинам всецело. Даже крестный ход, появившийся из-за поворота, не навел их на душеспасительные мысли – а лишь помешал несколько общему веселью.

Однако не все были радостны – мало веселого находила в путешествии высокая синеглазая брюнетка, стройная, с гордой осанкой, вполне соответствующей неодобрительному определению – словно аршин проглотила. Возможно, она держала шею так прямо, стараясь сделать незаметнее пухлый подбородок. Брюнетку окружали почтенные дамы, не давая ей ни скорого шага ступить, ни нагнуться, и она позволяла себя оберегать, всякий раз удерживая на устах резкое слово и лишь вздыхая.

Увидев крестный ход, брюнетка первой перекрестилась на несомый впереди образ и на торчащие вверх хоругви, а затем вздохнула. Поневоле первой перекрестишься, коли тебя сопровождают нарочно приставленные, чтобы следить люди, даже повивальная бабушка, которой велено ехать в одной с тобой карете, – и та держит ушки на макушке.

– Матушка Катерина Лексевна, не пойти ли следом? – спросила женщина постарше прочих, хотя и не старых лет, статная, дородная и румяная. – Кареты мы нагоним!

Брюнетка, не задумываясь, кивнула.

– Где мой кошелек, Прасковья Никитишна? – спросила она. – Буду подавать милостыню. И пожертвую на храм.

– Тут он, матушка...

Крестный ход был нетороплив – да и мудрено спешить сытому пожилому батюшке в новой рясе, нарядным молодыцам, взявшимся нести вдвоем один большой образ, мужикам, которые едва не поссорились вчера за право взять самую тяжелую хоругвь, и идущим следом старикам со старухами, убогим на костылях, беременным бабам за руку с детишками. Путешественницы, считаясь с тем, что синеглазая брюнетка беспрекословно замедлила шаг и шла, наклонив гордую голову, поступили так же – в этом случае ее поведение было равносильно приказу.

Не все убогие спасали душу, участвуя в ходе, – иные остались на паперти сельского храма, чтобы встретить образа. Это были совсем уж дряхлые бабушки, прозрачные от старости деды, иной – без руки или без ноги, может статься, и ветеран давней шведской войны. Но среди них сидел на коленках еще не старый мужик с перевязанным глазом, в дырявом рубище, на котором поблескивало несколько мундирных пуговиц, и одной рукой вроде бы крестился, а

другой придерживал небольшой мешок, при этом еще озирался, как будто охранял незримое сокровище.

Брюнетка, не глядя, протянула руку, и ей вложили в ладонь бисерный кошелечек. Одевая поочередно нищих, она подошла и к мужику с мешком.

– Ну, этому-то подавать и незачем, – негромко, но язвительно сказала дородная женщина. – Сидят дармоеды, бормочут, а на них пахать можно. Гляньте-ка, до чего толст – ему и трудиться незачем, с подачек живет...

Это относилось не к Катерине Лексевне, а к прочим ее спутницам, в том числе молодым и веселым, что, присмирив, подошли и встали рядышком.

Нищий глянул на нее единственным глазом, поднял руку и стал совершать движения, которых сперва никто не понял: сложенными щепоткой перстами тыкал себя попеременно то в правое, то в левое плечо.

– И перекреститься-то не может! – догадалась дородная женщина. – Гнать бы его такого с паперти!

– Я уйду, – грозно молвил мужик. – Я уйду, как в небесах дыры отверзнутся. Видали, как по небу дыры плывут? Я в дыру уйду.

– Спаси и сохрани! – молодые красавицы закрестились. Мужик, говоря это, воистину был страшен.

– А что то за дыры – знаете? – он повысил голос. – То – персты! Сверху в небо персты упираются!

Он растопырил грязные пальцы и, вытянув руку ладонью вниз, показал, как это происходит.

– Так что за персты-то? – спросил он еще раз.

– Божьи, дяденька? – смело попыталась угадать одна из подружек.

– Божьи! – подтвердил нищий. – Видели – дыры плывут? То – пять дыр, то четыре, а то и три бывает, а то и две, а то и одна? Перстов-то мы не видим, а нам по дурусти нашей мерещится, будто пятна. А через эти дыры Господь – что? А? Что Господь посылает?

– Да будет тебе его слушать, Катерина Лексевна! – все более пугаясь, воскликнула дородная женщина. – Он невесть что несет! Пойдем, помолимся – да и прочь отсюда!

– Нельзя тебе, матушка, теперь дураков слушать! – подсобила и повивальная бабушка. – Госпожа Владиславова дело говорит!

Третья из сопровождавших печальную брюнетку женщин, невысокая, со злым лицом, отвернулась, всем видом показывая: жду, пока это дурачество окончится.

– Через те дыры он нам время посылает! – провозгласил нищий. – И оно незримыми перстами в землю упирается и ее насквозь пронизывает! Дивны дела твои, Господи!

– Погодите, сие весьма любопытно, – произнесла брюнетка, несколько оживившись. – Не канонически, но любопытно.

Она достала из кошелька монету – большой медный пятак, протянула ее нищему, но тот, вопреки ожиданию, не соблаговолил повернуть свою грязную лапу хотя бы ладонью вверх.

– Не умножай количества сущностей сверх необходимого, – поучительно сказал он Катерине Лексевне. – Оттого большой вред бывает.

Она в недоумении повернулась к спутницам.

Те поняли, что брюнетка хочет спросить: откуда бы одноглазому безумцу знать такие философские тонкости?

– Из семинаристов, поди, – прошептала дородная женщина. – Ученья не вынес, разумом повредился, теперь вот дармоедом заделался. Да пойдем, матушка! Что ты, право?

Великая княгиня Катерина Лексевна уронила монету на колени дармоеду и пошла дальше, оделяя менее грамотных нищих.

Одноглазый философ, не обращая внимания на деньги, забормотал. Казалось бы, ему вовсе не было дела до пятака с вензелем императрицы Елизаветы Петровны, однако позднее, когда и крестный ход окончился, и нищие стали разбредаться, чей-то не в меру шустрый внучек попытался стянуть подаяние и получил по пальцам.

Прибрав пятак в мешок, мужик довольно ловко поднялся с колен и, не перекрестившись на церковный крест, как полагалось бы, зашагал прочь.

– На мельницу подался, – сказала одна убогая бабушка другой. – Не напрасно его мельник привечает, ох, не напрасно...

Она оказалась права.

Мельник, что держал водяную мельницу, жил на отшибе, если бы по прямой – то недалеко, но дорога делала петлю и потом вела лесом. Вот в лесу убогий философ и начал понемногу преобразаться – снял с глаза повязку, с головы стянул несуразную шапчонку, то ли тулью от треуголки, то ли бранные останки дамской шляпы, а у самой запруды спустился к воде и вымыл лицо с руками. Теперь стало видно, что он – лет тридцати с небольшим, плотно острижен, и стригся совсем недавно. Походка также была не та, что приличествует убогому – а упругая и чуть вразвалочку, как ходят сильные, крепконогие и привычные к дальним вылазкам мужики.

Этот человек умел ходить по лесу – услышав сорочий стрекот, замер, и все его крепкое, приземистое тело, даже не совершая заметных глазу движений, преобразилось. Он был готов даже не отразить нападение – а сам первым отправить напавшего на тот свет. Но лесная сторожиха не умела сказать – человек ли движется едва заметной тропой, зверь ли, а, может, просто охота ей пришла поприветствовать другую сороку. Выждав несколько, убогий философ пошагал дальше и, обогнув запруду, оказался у хозяйственных строений при мельнице.

По летнему времени он в хоромах не нуждался, и место на сеновале его вполне устраивало. Повозившись там несколько, он вышел, уже без мешка, не в драном мундире, который был обновлен первым своим хозяином чуть ли не в Полтавской баталии, а в обычной холщевой рубашке, и отыскал старого мельника за сараем, где тот налаживал на козлах длинную доску, чтобы перепилить ее.

– Держи, дядя Михей, – сказал философ, протягивая денежки вместе с пятаком. – Видишь, не даром хлеб ем.

– Погонят тебя, верзилу здорового, однажды от той паперти в шею, – пообещал мельник. – На-ка, потрудись.

До самого заката они возились по хозяйству. Потом разошлись – мельник спал на мельнице, философ – на сеновале.

Прежде, чем улечься, он выкопал из сена мешок и вытащил оттуда прямоугольный, заматанный в тряпье, сверток. Внутри был ящичек, черный, с тусклым блеском, а толщиной всего в вершок. Философ нажал пальцами незримую пуговку, крышка ящичка сама отскочила. Затем от нее пошел голубоватый свет. Что-то над головой, надо полагать, на самой крыше тихо крякнуло – и тут же философ опустил крышку.

Словно бы убедившись, что с ящиком все в порядке и ущерба он не понес, философ опять обмотал его тряпьем, сунул в мешок, закопал в сено, сам улегся рядом и, повздыхав, погоревав о чем-то несбыточном, потосковав о далеком, понемногу заснул.

Но и во сне он помнил о том, что в изголовье, меж сложенных полотнищ старого холщового полотенца, чуть сбоку от головы, лежит черный пистолет странной величины, а для знатока удивительный еще и тем, что вместо одного положенного этому оружию заряда имеет их целых восемь...

Глава первая

Все очень просто!

Рассказчик – Александр Савельевич Юст, из тех журналистов старой школы, кто смолоду был молод, но вовремя не созрел и опомнился только к шестидесяти двум годам.

Он среднего роста, одевается с тем презрением к элегантности, которым гордились еще шестидесятники; стрижется, кажется, сам, и поэтому не знает, что в его сильно поседевших волосах сзади уже завелась лысина. Он – живой памятник тем временаам, когда как-то неловко было обращать внимание на внешность и кошелек молодого человека, и если девушке данный конкретный юноша нравился, она честно признавала, что у него красивые глаза. Вот как раз глаза у него все еще яркие и красивые.

Полагая, что вся жизнь впереди, он после развода валял дурака достаточно долго – пока не поглупели женщины и не перестали видеть в нем подходящего партнера для всяких проказ. Тогда он обиделся и решил вести замкнутый образ жизни. Женщин можно понять – с годами Юст обзавелся холостяцкими причудами, в частности – стал ездить на велосипеде куда надо и куда не надо. Он отказывается подстригать брови, почему его все чаще сравнивают с болонкой, он не хочет выбросить на помойку старую сумку, даже не из современного кожзаменителя, а из какого-то доисторического дерматина, и сам чинит ее навощенной ниткой и цыганской иглой, он помнит старые цены в кафе и ресторанах и тщетно ищет их в изменившемся мире... и так далее...

Память у него действует своеобразно: он из тех беспокойных репортеров, которые забивались леший знает куда и диктовали материалы по телефону, поэтому он наловчился запоминать всякие интересные подробности. Затем к памяти (по вине женщин, что ли?) добавился определенный цинизм, затем пришло желание зарабатывать деньги. К счастью, он нашел такую возможность и не брюзжит, как многие его ровесники, а сам делом занимается и еще кое-кому помогает.

Слово – Александру Савельевичу Юсту.

– Я все понимаю! – возмущенно вопил мой юный друг, воспитанник, тяжкий крест и шило в заднице, Витька Костомаров. – Дядька, я все понимаю! Но эта ксерокопия тут оказалась не случайно! Ты смотри – она не просто подколота! Она пришита!

Есть такие аппаратки, чтобы деловые бумажки железной скобкой сшивать. Как раз таким аппаратиком кто-то соединил две вещи, несовместные в той же мере, как гений и злодейство: финансовую смету некоего проекта под названием «Янус», получившего неслыханной величина грант где-то в дебрях Америки, причем смета была на английском языке, и ксерокопии четырех книжных страниц, выполненные на помирающем без порошка ксероксе. Разобрать там можно было немного, и не с моими, а разве что с Витькиными глазами.

Я сам виноват – мне вообще не надо было брать ее в руки. Но я страдаю старческим любопытством. Я ее взял, отнес подальше от носа, потом приблизил, взгляделся в туманную картинку (старая фотография, на которой было что-то вроде кривобокой картофелины, но картофелина оказалась, черт бы ее побрал, знакомой!) и приказал:

– Кадет, достаньте вон с той полки вон ту книгу, нет, правее, в синем переплете.

С Витькиным ростом верхняя полка – не проблема, а вот мне кажется, что за последние два года она каким-то образом забралась повыше и оказалась под самым потолком. В моей квартире это нормально – у меня книги по ночам слезают с полок и вступают в интимные кон-

такты. Где они растят свое потомство, я еще не выследил, но их количество растет с катастрофической скоростью, и про половину я могу твердо сказать: сам их не покупал, и как оказались дома – понятия не имею!

Витька подал книгу, я перелистал ее и воскликнул:

– Ну, точно! «Ловондатр»!

– А что это за хренотень? – Витька сравнил ксерокопии со страницами и с бешеным «Вау-у-у!!!» уставился на меня, как на ожившую мумию. Это случается всякий раз, когда я делаю то, что ему пока недоступно. Вот и тогда – я-таки правильно вспомнил про фотографию, и это были те самые страницы.

– Кадет, вас читать учили?

Он шлепнулся в кресло и, сдвинув брови, стал осваивать текст, а я снова взял стопку бумажек по проекту «Янус» и начал их изучать уже более строго – с учетом появления в этой стопочке «Ловондатра».

Бумажки можно было условно разделить на две части. Первая – на английском языке, подтверждение того, что наш отечественный Кулибин сподобился получить грант аж самого фонда Джереми Красти, и какие-то банковские документы. Проект проходил под названием «Янус», и это все, что о нем сообщалось в распечатках. Вторая часть была перепиской между несколькими нашими государственными инстанциями на эту тему.

Фонд был основан еще при царе Горохе и патронировал исследования в нетривиальных областях науки и техники. Россия его всерьез не принимала и он Россию всерьез не принимал, но несколько лет назал, когда безумный миллионер-террорист Усама бен Ладен нечаянно заставил крупные державы подружиться, посланцы Красти появились и у нас, как они заявили – в поисках неведомых гениев. Наше правительство подписало какие-то документы об участии в деятельности фонда, дня три пресса хвалила президента за мудрое решение, а потом про фонд как-то забыли. И вот он вынырнул.

Бешеные деньги, которые выделил фонд Красти на проект, сперва всех обрадовали: отечественных Кулибиных мы признаем только тогда, когда Запад уже собрал все пенки с изобретений, а еще – когда они благополучно померли. Но тут оказалось иначе – мужик еще при жизни получил средства на реализацию своей идеи, более того – на территории родного государства, а государство, видимо, не знало, куда его, болезного, с этим грантом приткнуть. Фамилия нашего экспериментатора была Дусик...

– Дядька!!! – заорало дитя. – Это же машина времени!!!

– «Ловондатр»? – спокойно переспросил я. – Да, «Ловондатр» – это одна из первых российских попыток ускорить или замедлить время. Путешествовать на этой попытке никто и не пытался.

– Да нет, проект «Янус»!!!

– Не орите, кадет. О том, что такое проект «Янус», мы судить не можем. Тут куча всяких рассуждений вокруг проекта и ни слова о его сути.

– Идиотом нужно быть, чтобы дать грант такому, такому...

Дитя заткнулось, не в силах подобрать определение. Я знал, что оно хотело сказать «шарлатанство», но подсказывать не стал – пусть само помучается. Сам я был тогда старше Витьки примерно втрое и навидался всяких безумных проектов. Поэтому я знал, что можно раздобыть деньги даже на вечный двигатель, если правильно взяться за дело.

– Слушайте внимательно, кадет.

Я откопал смету. И стал зачитывать фрагменты вслух, переводя прямо с листа. Получилось примерно так:

– ...строительство павильонов для проектного института – шесть миллионов долларов, проектные работы первого этапа – шестьсот тысяч долларов, проектные работы второго этапа

– пятьсот тысяч долларов, строительство операционного зала – семь миллионов долларов, размещение заказов на оборудование первой очереди...

Когда Витька замахал на меня руками, я перелистнул три страницы и объявил «итога»: триста восемьдесят миллионов двести сорок пять тысяч долларов.

Витька был возмущен беспредельно.

– Дядька, это же чушь полнейшая! Неужели у нас в думе все до такой степени рехнулись?

– Погоди, не верещи. Так вот, изучается смета в думе не для того, чтобы строить машину времени, а чтобы понять, как можно прокрутить большие деньги. Давай начнем сначала. Некто Дусик мечтает провести какой-то загадочный крупномасштабный эксперимент с электромагнитными волнами. Флаг ему в руки! Он стал ко всем с ним приставать, и у нас в государстве его из всех инстанций поперли.

– Правильно сделали!

– Очевидно, все-таки ошиблись... – проворчал я. – Проект «Янус» имеет научный подзаголовок – что-нибудь о мерлинизации менсонизма электромагнитных излучений...

Дитя посмотрело со всей возможной свирепостью – Мерлин Менсон не так давно был его кумиром.

– Джереми Красти, конечно, чокнутый, с него станется и озеленение Антарктиды спонсировать, – безмятежно продолжал я. – Но очень уж солидные деньги. По-моему, он сперва показал проект каким-нибудь экспертам, а они нашли в Дусиковой мазне рациональное зерно...

– Да-а?... – дитя посмотрело на меня с недоверием и сунулось носом в книгу. – «Электромагнитный излучатель сходящихся волн, в данном случае – сфера, каждая точка которой излучает волны во все стороны, в первую очередь – внутрь сферы...» Дядька, ты в этом что-нибудь понимаешь?...

– Ни хрена. Знаю только, что существует какая-то связь между временем и электромагнитными волнами. Когда строили «Ловондатр», как раз и сделали такой шар, в котором было несколько слоев электромагнитных рабочих поверхностей...

– А говоришь – ни хрена!

– Но этот шар был диаметром около метра, и опыты проводились с белыми мышками. А сдвиг был какой-то полусекундный. Для людей и для серьезных результатов потребуется шарик диаметром в десятки метров. Тренируйте память, кадет. Я помню все и не понимаю ничего.

– Ага-а-а... Вот почему такой большой операционный зал... А что значит «Ловондатр»?

– Переверните страничку назад, кадет.

И Витька, то бормоча, то вопя, освоил историю о том, как энтузиасты полуподпольно мастерили на закрытом предприятии свою установку, как не вовремя объявился начальник цеха, страстный охотник, и как недоделанную метровую картофелину с крышкой ему выдали за ловушку для диких пушных животных – в частности, для ондатр...

– Ну, ладно... – не желая спорить с наукой, проворчало дитя. – А чего они у себя в Америке эту штуку не хотят строить?

– Кадет, вы нашли у кого спрашивать... – я развел руками. – Ну, скажем, они не хотели преждевременной огласки. Это – раз. Два – допустим, у этого Красти принцип: воплощать изобретение в жизнь на родине изобретателя. Это может быть и своего рода благотворительностью – город или район, где начнется строительство, сразу получает кучу рабочих мест. Фактически – инвестирование. А наших хлебом не корми – только скажи им волшебное слово «инвестирование»...

– А потом?...

– Откуда я знаю! Наверно, светлое будущее. Машина времени после обкатки заменяет сельское хозяйство. Две тысячи лет назад в экологически чистых морях плавала безупречная рыба! Если пустить туда простенькую и ненавязчивую китобойную флотилию...

– Какая флотилия?! Дядька, ты что несешь?

Дитя настолько ошалело, что позабыло о субординации.

– Не вопите, кадет. Похоже, кто-то из наших думцев вспомнил школьную физику и догадался, что может означать мерлинизация менсонизма электромагнитных излучений. Или подсказали – разница невелика. Город заинтересован в том, чтобы приютить проект «Янус». Потому что эти деньги позволяют устроить советский бизнес. Вы, кадет, газеты читаете?

Как раз на днях отгремело дельце о разворованных кредитах, которое рспутывала армия юристов года четыре, не меньше, а в результате суд обнаружил, что виновных нет. Дело уперлось в несколько второстепенных фамилий, не более того.

– Деньги, которые сумасшедший Красти выделил на проект «Янус», можно сперва неоднократно прокрутить. Вдумайтесь, кадет. Вспомните, где вы живете!

Витька задумчиво поглядел на листки.

– Триста восемьдесят миллионов... – произнес он. – Это сколько же в год?...

– Много, – быстро сказал я, пока он не начал всерьез считать. С арифметикой у Витьки плохо, я даже не уверен, что он осилил таблицу умножения дальше «семью восемь» – потому что однажды в моем присутствии семью восемь дало ему сорок восемь.

– Значит, они подпишутся! – злобно сказал Витька. – И начнут воровать!

– Что, за державу обидно?

– Да катись она, эта держава!...

Дитя в ярости было страшнее тайфуна.

– погоди. Ты внимательно читал общую часть?

– Да ну ее!...

– Нет, ты внимательно читал? Я повторяю – проект предусматривает создание новых рабочих мест. То есть, пока не станет ясно, что деньги разворованы и идея не осуществится никогда, несколько тысяч человек будут работать и получать зарплату. Нельзя же не создать хоть видимость работы!

– А что скажет Красти?! Он же потребует отчета! И откуда возьмутся деньги?!?

Дитя кипело и плевалось, как чайник.

– Хороший вопрос, кадет. Во-первых, это произойдет нескоро. Часть этого безнадежного долга Красти скостит, чтобы получить хотя бы другую часть. А уж ее будем выплачивать мы с тобой – честные налогоплательщики.

Честно говоря, я и сам удивился – как шустро наша городская дума приняла в объятия безумный проект «Янус». Пожалуй, там сидят орлы не глупее меня...

* * *

Вы никогда не спрашивали себя: откуда берутся новости?

Некоторые возникают сами собой. Например, землетрясения и катастрофы. О некоторых сообщают пресс-службы соответствующих ведомств. Скажем, визит к нам негуса абиссинского – новость, мало кому нужная, но сообщения рассылаются и по Сетям, и факсом, и чуть ли не голубями.

В принципе, владелец новости обычно сам заботится, чтобы она угодила сперва в агентство новостей, а потом в средства массовой информации. Но бывают и другие пути. Иногда сотрудник агентства полгода сидит в засаде, пока до некоего события не останется буквально пять минут. А тогда он, удостоверившись, что ошибки не будет, и дает сверхценную информацию, которая начинается с прекрасного слова «завтра».

Чтобы сесть в засаду, нужно внимательно читать документы. Витька этого еще не умеет, но научится. Когда сотрудник агентства новостей получает распечатку доклада, или прений в городской думе, или я уж не знаю что, он внимательно отслеживает формулировочки типа: «срок сдачи в эксплуатацию – такое-то число», «предполагаемый срок визита – такое-то

число», и так далее. Остается только сделать пометку в своем календаре и ждать, пока новость созреет.

Собственно, на проект «Янус» Витька напоролся как раз в поисках грядущих новостей, прочесывая в думе знакомые кабинеты и собирая ксерокопии всяких протоколов. Новостнику, чтобы не приставал, дают это добро со стола не глядя и сразу выпроваживают за дверь. И Витьку злило вовсе не то, что налогоплательщикам на шею повесят очередную авантюру. Он просто пытался у меня выяснить: годится вся эта ахиня для агентства новостей, или ее можно сразу кидать в мусорник?

Похоже, Витьке нечаянно вместе с постановлением о переносе трех трамвайных остановок дали материалы какого-то секретного обсуждения. В таком случае умнее всего – их уничтожить.

Я сказал, что еще ничего не решено, проект в стадии рассмотрения, и если Витька преждевременно вылезет с новостью – не пришлось бы ему расхлебывать эту инициативу... Тем более – не исключено, что владелец бумажек ищет их сейчас, матерясь, по всей думе. И очень болезненно отреагирует на такую рекламу.

Судя по тому, что ни одна занюханная газетенка ни словом о сути проекта не обмолвилась, с проектом работали люди умные и осторожные. Тот, кто догадался, – помалкивал. Даже мерлинизация менсонизма – и та нигде не засветилась.

Витька только второй год работал в агентстве новостей. А я в нем уже лет десять как не работал. У меня свое маленькое дельце, которое неплохо кормит. И великовозрастное дитя, не видя во мне конкурента, все время прибегало за консультациями. То есть, какое он мне дитя? Он мне – нашему плетню двоюродный забор. Он – сын мужа моей троюродной сестры от первого брака.

А я ему – дядька Юст. Ничего не поделаешь – впрягся, так вези.

Иногда он прислушивался к моим советам. То есть, он регулярно прибегал требовать советов, а некоторое время спустя я узнавал, что один из десяти он принял к сведению.

О том, как поступить с информацией о проекте «Янус», я советов не давал – как-то так вышло, что я успел только объяснить смысл этой научно-финансовой авантюры. А ведь там были конкретные даты! Там было сказано, что совещания рабочей группы намечено проводить раз в месяц, и в столбик напечатан весь ее состав.

Витька появился недели три спустя – несколько озадаченный. Он, оказывается, вел беседы с разными людьми, задавая в финале один вопрос: что бы ты сделал, если бы у нас построили машину времени? Собеседники все, как один, сперва хлопали крыльями и кудахтали, поминая всуе Эйнштейна, а потом выдвигали блистательные коммерческие идеи: если бы машина принадлежала мне, я бы вывез сюда то-то и то-то... Витька не поленился и составил список, в который входили трактаты Леонардо да Винчи, сокровища дворцов Лиссабона (все равно ведь погибли бы в восемнадцатом веке от землетрясения), необработанные африканские алмазы (автор идеи что-то такое читал, будто ресурсы кимберлитовых трубок планеты на исходе), коллекционный китайский фарфор и живой кардинал Ришелье (этому, очевидно, хотели предложить пост председателя какой-нибудь оппозиционной партии).

Но такова была первая очередь прожектов, связанных с машиной. Автор идеи о леонардовских трактатах был Витьке настолько близок, что мой кадет раскололся. Он даже список рабочей группы огласил. В итоге родной папа автора пригласил Витьку для беседы. Сперва он тоже возмущался научной безграмотностью думцев, а потом любопытствовал – нет ли в документах указания, где именно хотят строить все эти блоки, залы и бункера. Вряд ли посреди столиц и даже крупных городов – по прикидкам авторов, машина займет площадь в несколько гектаров плюс еще зона отчуждения. То есть, это будет окраина. Но хорошо расположенная окраина – чтобы уже имелись для начала хоть какие-то коммуникации.

Умный папа предположил даже, что это может быть какая-то из наших окраин (неспроста же документ объявился в нашей городской думе!) и выдвинул версию. Есть у нас в десяти километрах от городской черты озеро, которое окружено садово-огородными участками. Многие из них заброшены и пришли в упадок, некоторые еще обрабатываются и дают урожаи, но их все меньше, потому что в полуразрушенных домиках поселились бомжи и проводят свою бомжовую экспансию. В общем, солидный человек там строиться не станет – разве что с полсотни солидных людей разом. И прекрасное место пропадает зря!

Нечетко представляя себе роль сотрудника агентства новостей, папа настоятельно советовал Витьке пропихнуть озерную идею в городской думе, и даже намекал, что в долгу не останется.

– Вся эта земля десять лет назад была приватизирована, – объяснил я. – Просто люди на нее рукой махнули – ведь она не имеет рыночной стоимости. Кому она нужна??? А теперь, когда окончательно провозгласили собственность на землю, но пакет сопутствующих документов составить все никак не соберутся, возможны всякие махинации. И папа твоего друга может потихоньку приобрести ее на подставных лиц. Зато потом он уже уступит ее представителям фонда Красти по СВОЕЙ цене. Или, если побоится продавать российскую землю иностранцам, сдаст ее в аренду на девяносто девять лет. Вот видишь? Уже начинается!

– Дядька, ты думаешь, они действительно возьмутся за «Янус»?

– Не могут не взяться! Витя, он нужен всем! И ты не забывай – кто-то умный догадался заглянуть в книжку и предположил, что «Янус» – внучатный племянник «Ловондатра», но доказать это, имея только пятерку по физике в школьном аттестате, совершенно невозможно. И думе сейчас выгоднее всего НЕ ЗНАТЬ, что это за прект такой. Достаточно, что в него вкладываются американские баксы. Первая ранняя пташка уже проснулась. И первая польза налицо – люди получают за совершенно бесполезную землю хоть какие-то деньги.

– Гроши!

– Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

Витька долго возмущался умным папой, который нашел еще один способ нажиться, но это уже было скучно. Да и не он лично нашел – всюду так делается.

Что в агентстве новостей плохо – за деревьями леса не видишь. Прокукарекал – а там хоть солнце не вставай. В юности это еще полбеды, но как только начинаешь искать связи между событиями, лучше поменять работу. Когда Витька уже научился проследить зависимость между постановлением о новых формах отчетности благотворительных организаций и ростом детской преступности в деревне Красные Галоши, новости как таковые утратили для него смысл. Он ощутил себя котом, который уже не хочет гоняться за конфетными бумажками, а требует конкретного куска мяса.

Но к тому времени строительство комплекса уже шло полным ходом. Кстати, как раз у озера. А умный папа вошел в правление полугосударственного банка, который был реорганизован как раз для обеспечения проекта. Возглавила же его совершенно непонятная женщина – я не женофоб, но в этом возрасте у них, у баб, одни мужики на уме, и поди знай – она всего лишь зиц-председатель, или входит в команду по прокрутке крастовских зелененьких.

В городе появились люди Красти и привезли того самого Дусика. Я был на пресс-конференции, где речь шла о научных теориях и экспериментах. Электромагнитное излучение поминалось вскользь, зато бритниспирсации, земфиризации и киркоризмы имелись в избытке. Дусик оказался совершенно лысым плотненьким мужичком с рыжими, прошитыми сединой усами. Он восторженно на всех тарачился и не мог сказать ничего вразумительного – даже термины от волнения плохо выговаривал.

По агентурным данным, этого изобретателя, чтобы не путался в ногах, поселили в номере-люкс, приставили к нему секретаршу с телохранителем и распорядились протрезвлять раз в две недели, не чаще. Потом его увезли, через несколько месяцев опять привезли – якобы

для показа открытого под строительство котлована, опять поили до поросычьего визга позволяли встречаться с общественностью только с том состоянии, когда человек не то что своего имени – своего пола уже не помнит.

В тот день, когда старый дурак Джереми Красти с опозданием на два с половиной года получил результаты независимой экспертизы, Витька и Маша сходили в церковь и разузнали о венчании. То есть, точно я не знаю, но по закону подлости иначе и быть не могло.

Маша собралась венчаться тайком, потому что ее умный папа – ну да, тот самый! – полагал, будто сотрудник агентства новостей, да еще собравшийся покинуть это милое место, богатой наследнице не пара. О том, что благодаря дочкиной дружбе с Витькой он вовремя оказался в курсе и успел схватить свой кусок белого хлеба с красной икрой, он, разумеется, забыл.

Красти принял экспертов в обстановке особой секретности. Откуда я про это знаю? Иначе быть не могло – речь шла об очень больших деньгах. И ученые то ли из Колумбии, то ли из Уганды, недавно совершившие некий прорыв в области электромагнитного излучения, довольно долго провозившись с документацией по проекту «Янус», преподнесли ему несколько ошибок, смысла которых он, конечно, не понял. Ему и незачем было понимать, ему хватало листка распечатки с лаконичным выводом: строительство бессмысленно, деньги пропали. Ну, не все, но определенная их часть – уж точно!

Информация о том, что резко поумневший Красти вполне способен перекрыть кислород проекту «Янус», попала к тем, кто у нас в городе заварил эту кашу. Как попала – могу только догадываться. Очевидно, эти господа уже держали на окладе кого-то из служащих фонда.

И тут-то начинается подлинная и неподдельная история «маршрута Оккама», которую пока знают немногие, но скоро она, пожалуй, вылезет на свет Божий.

* * *

Витька заявился ко мне около полуночи. Это был уже не вопящий мальчишка, которому я наливал большую чашку чая и выдавал полкило печенья с изюмом. Это был двадцатипятилетний мужчина, и все необходимое для мужского застолья он приносил с собой.

– Послушай, дядька Юст, мне нужны твои книги.

– Все сразу?

– Нет, только вон те две полки.

А полки у меня самодельные, во всю стенку.

Я посмотрел на корешки и очень удивился. Все то же самое можно было найти в Сетях, а не перелистывать странички.

– В Сетях нет самого главного. Да и вообще там ничего нет!

– А что тебе нужно?

– Что мне нужно? Хороший вопрос...

– Тебе нужны именно вурдалаки, вампиры, оборотни? Нет? Летающие тарелочки? Полтергейсты? Пришельцы? Тайны пирамид? Нет? Атлантида, лемуры, континент Му?

Мое маленькое дельце, которое неплохо кормит, – это издательство с особой специализацией. Именно я предлагаю сборники статей о снежных людях, летающих крокодилах, переселении душ, привидениях. Составлять их несложно – я берусь, не сходя с рабочего места, нагрести на полках книг с журналами и в течение часа подготовить скелет книги в двадцать авторских на любую идиотскую тему. Я прочитал уже столько этой псевдонаучной белиберды, что могу импровизировать в том же духе от забора до обеда. Книги пользуются таким спросом, что я за пять лет смог купить себе двухкомнатную квартиру в солидном старом доме (маленькая комната – спальня, большая – кабинет, больше мне одному и не нужно, но только маленькая площадью в восемнадцать метров, а большая – в тридцать семь...), затем подарил одно-

комнатную квартирку внучке к свадьбе, выкупил здание, где сперва арендовал три закутка для редакции, поменял «москвич» на «субару» и приобрел много всяких ненужных вещей.

Витька отказался от атлантов и вурдалаков. Странно было бы, если бы он за ними явился. Он понемногу становился собственным антиподом. Я видел все изменения и лишь задумчиво хмыкал. Витька уже не вопил от негодования, он стригся в лучшем салоне, его новый костюм вызвал во мне что-то вроде комплекса неполноценности, я же зарабатывал куда больше, но у меня не было ни времени, ни желания ездить по бутикам и примерять все эти шедевры.

– Так чего тебе нужно?

– Таинственные исчезновения.

– Людей? Самолетов? Пароходов? Домов? Озер и рек?

– Всего.

Витька был не в духе. Я уж забеспокоился – не разругался ли он с Машей.

– Нет, дядька, с Машей все о-кей.

– Из тебя информацию, как гнилой зуб клещами, вытаскивать?

– Дядька, дело очень важное. Я два дня не вылезал из Сетей. Я перепробовал кучу ключевых слов и все равно не нашел того, что мне надо. Я пересмотрел штук триста сетевых журналов. По-моему, они просто пережевывают одну и ту же жвачку!

Витька, возмущаясь, вроде начал оживать.

– Дядька, я же видел у тебя эти книги! Куча полезного материала до сих пор не набита, а в Сетях болтается всякая ересь!

Он взял с полки книгу – как оказалось, вовсе не наугад. Раскрыл, прочитал вслух название главы:

– «Путешественники во времени»! Автор – Караваев! Ты думаешь, мне в Сетях попался хоть один Караваев? Человек книги пишет – а в Паутине его нет!

– погоди, сядь и подумай о вечном, – проникновенно попросил я. – Мне для тебя ни книг, ни журналов, ни вырезок и ни ксерокопий не жалко. Ты только объясни наконец, что стряслось! Зачем тебе какие-то выдуманные путешествия во времени, если у вас там скоро будет своя действующая машина?

«У вас» – это был не риторический оборот. Просто умный Машин папа, скупив садово-огородные участки у озера, часть земли продал, часть благоразумно оставил за собой на каких-то невыгодных для себя условиях, но зато он был в курсе всех строительных новостей. Он устраивал заказы дружественным стройфирмам, и с одного этого мог бы жить припеваючи. О том, как раздувались предназначенные для фонда Красти счета, я мог только догадываться, и то – догадываться как человек умеренный, не как оголтелый от безнаказанности бизнесмен местного разлива. То есть, человек всерьез связал свою судьбу с проектом «Янус» и активно помогал прокручивать крастовские денежки.

– Ни хрена у нас не будет.

Витька рассказал о результатах экспертизы.

Прежний Витька скакал бы козлом и верещал от восторга. Победа научной справедливости осчастливила бы его надолго. Теперешний был угрюм. Теперешний понимал, что произойдет, если проект «Янус» будет в ближайшие месяцы развенчан. Сколько-то времени удастся сопротивляться, сталкивая лбами угандийский ученых и протрезвевшего Дусика, но Джереми Красти потребует реальных результатов. Ведь по бумагам, лежащим на столе у Красти, первая очередь многослойной установки уже смонтирована и пробные пуски намечены на самое ближайшее время.

Если бы речь шла о проверке эффективности мерлинизации менсонизма, наши жулики так и сидели бы в растерянности. Собственно, они и по сей день не верили, что необъятная железная сфера способна извлекать из прошлых веков всякую ерунду. Но это им, по крайней мере, было понятно!

Вот они и подумали: самый действенный аргумент против угандийцев и за продолжение возни с проектом – что-то этакое, добытое методом тыка в глуби веков. Другой вопрос – что закуплена примерно пятая часть необходимого по смете оборудования, но это совершенно нормально – из шести бункеров тоже ведь только два кое-как построены, а прочие затерялись в бумагах.

– Еще удивительно, что они продержались до монтажа оборудования, – заметил я, имея в виду высшее строительное начальство; по моему прогнозу, оно могло ограничиться и котлованом. – А теперь послушайся доброго совета – устранийся от этого безнадежного дела. Помяни мое слово – в верхах грядут перетасовки, командные посты вот-вот займут другие люди, а те, кто успел навариться, исчезнут и вынырнут где-нибудь в Австралии и под другими именами.

– У Машкиной родни тут вся недвижимость.

– Плохо дело.

– Дядька, мы все придумали! Деньги есть! Нужно только знать места!

– Какие места?

– Откуда я знаю – какие! – он принялся листать книгу. – Вот!

И, то зачитывая куски, то пересказывая сюжет своими словами, он преподнес мне историю о том, как в вагоне английской электрички вдруг появился английский же кучер из восемнадцатого века. Потом, правда, исчез, оставив потомкам бич и треуголку.

– Люди всегда путешествовали во времени! – проповедовал он. – Ты же знаешь – одни появлялись ниоткуда, вроде кучера, другие на ровном месте исчезали! А это они проваливались в прошлое! Или выскакивали из прошлого! Или из будущего.

– Ну и при чем тут мои книги?

План Машиного папы и его высокопоставленных друзей (подсказанный, как я понял, опять же Витькой) был очаровательно прост: найти такое место на планете, где можно провалиться, скажем, в пятнадцатый век, привезти оттуда сувенирчики и придержать их до той поры, когда будут объявлены первые секретные экспериментальные пуски установки. Пьяный Дусик охотно подпишет любые бумаги о своем присутствии при эксперименте, сотрудников фонда, командированных для присмотра за проектом, тоже можно улагодворить. А потом предьявить добычу лично Джереми Красти, отложив таким образом финансовый скандал на полгода, а то и больше.

– А вам не приходило в голову, что три четверти данной продукции – беспардонное вранье? – я провел рукой вдоль полок. Это было глубоко эшелонированное утверждение – кто, как не я, поставлял на рынок кучи псевдонаучных врак?

– Приходило. Но ведь кто-то же появлялся ниоткуда! Дядька, у нас есть деньги. Хочешь – буду по столынику в час платить? Ты же знаешь, где тут у тебя что! Собери информацию до кучи!

– Тебя прислали ко мне парламентаром?

– Ну...

Плохи были дела умного папы, если он призвал на помощь нежелательного жениха. И очень плохи – если спасения ждали от безумцев. На безумцах можно делать кое-какие деньги – и не более того. Если каждого, кто клянется, будто побывал в гостях на летающей тарелке, принимать всерьез и при помощи калькулятора сосчитать инопланетян, детально описанных этими деятелями, то получится население Китая, не меньше. Но публиковать их жуткие воспоминания об этих визитах – дело доходное.

– Ладно, – сказал я. – Допустим, завтра я даю тебе координаты десяти таких мест. Одно могу назвать сразу – Франция, Версаль. Допустим, вы организуете экспедицию, это несложно, были бы деньги. Допустим, она успешно растает в воздухе, дойдя до нужной точки. Но как вы собираетесь возвращать ее обратно? Привязать к ней веревочку?

– Где вошла – там и выйдет, – не очень уверенно возразил Витька.

– Шиш тебе, сынок. Если бы те, кто проваливался в прошлые века, на том бы самом месте оттуда и вылезали, то откуда у места взялась бы плохая слава? И вообще путешествия во времени для нас были бы нормой жизни.

До него дошло.

– Так что же делать?! – яростно спросил он, и я на секундочку признал в нем прежнего Витьку. Только тот не понимал, как избавить человечество от жульнического проекта, а этот не понимал, как жульнический проект спасти.

– Оставить все как есть. Рано или поздно это должно было случиться. Не тратьте силы, куме, опускайтесь на дно.

– Ч-ч-ч-черт! Что же я Машке скажу?!?

Вот это был аргумент!

В общем, я обещал ему изучить ситуацию. Кто их, безумцев, ведает – может, один из них действительно что-то такое видел и понял?

Вообще-то я не дурак. Делаю, конечно, кое-какие глупости, но в меру. Слушая Витьку, я не оценил до конца той опасности, которая угрожала участникам проекта. Ведь сейчас, когда стало известно о скверных результатах экспертизы, мнения наших местных главарей должны были резко разойтись. Одни собирались морочить голову Джереми Красти до тех пор, пока это только будет возможно, а потом скрыться в неизвестном направлении. Время, которое удалось бы выгадать, они употребили бы на организацию бегства – перевод денег на всякие хитрые счета, пластические операции и прочие общеизвестные штуки. Другие же собирались поднять лапки кверху, покаяться, объявить себя банкротами, добиться, чтобы долг скостили до разумной суммы, и понемногу все это дело замять. Подставляться под розыск Интерпола они решительно не желали. Они здраво рассудили – шум и треск будет первые года полтора, через десять лет о проекте «Янус» вспомнят разве что безумцы, которые снабжают меня материалами. И опять же, если вовремя подсуетиться, немалую часть наворованных денег можно спасти.

Если бы я подумал на пять минут больше, я бы представил себе это противостояние и в трех словах растолковал его Витьке. И он бы понял, что партия сопротивленцев и партия «лапки кверху», скорее всего, уже образовались, причем без всяких учредительных конгрессов. Более того – еще не успев возникнуть, они принялись друг за другом шпионить. Ибо в тяжкий день расплаты очень хорошо в зачет финансовых грехов выдать фонду Красти с головой бывшего союзника.

К чему я веду? Да к тому, что за Витькой уже следили. Он у нас мальчик видный, под два метра, да еще возможный зять одного из крупных деятелей проекта. Когда начались поиски выхода, партия «лапки кверху» сразу узнала, что у сопротивленцев возник план. А пригласить частного детектива этим господам вполне по карману. Вот им и стало известно, что Витька, который явно участвовал в разработке плана, отправился к старому своему приятелю-издателю, у которого уже год как не показывался.

И как после этого не нанять хакера? Не залезть в компьютер к старому дураку дядьке Юсту? Не выгадать подготовленный им файл о загадочных местечках с соответствующими комментариями?

Все это и было проделано буквально на той же неделе.

И вот теперь, изложив преамбулу этой истории, я могу перейти к рассказу о Караваеве.

Его не было в Сетях по уважительной причине – я его выдумал. И выдумал не так давно. Книга, автором которой числился Караваев, встала на мою полку недели две назад. Тираж уже был отшлепан, вывезен из типографии и ждал своего оптовика. То есть, я хотел малость поторговаться насчет отпускной цены. Я дал начальнику отдела реализации инструкции – а он уже лавировал, крутил пируэты, грозился и плакал в жилетку, – словом, делал все то, за что я ему плачу зарплату.

Но вообще-то человек, который писал о путешествиях во времени, на свете был. Просто я переписывал на свой лад его корявые статьи, так что он и сам бы их в моем изложении не признал. Статьи у меня валялись в виде ксерокопий десятилетней давности. Фамилия, которой они были подписаны, большого доверия не внушала. Не может человек быть Грядущим, это псевдоним.

Кое-что я о нем, возможно, угадал. Он был человек с техническим образованием – или имеющий неплохого консультанта. Кроме того, он явно был фанатиком действия. Вот, скажем, если бы мне дали клочок старинного пергамента с координатами пиратского клада, я бы сперва провел организационную работу. Я бы отнес пергамент экспертам, чтобы подтвердили его подлинность, потом я бы узнал, кому принадлежит необитаемый остров, какие визы нужны, чтобы туда попасть, прикинул смету путешествия, нашел хороший металлоискатель, изучил карту местности – всякие чудеса бывают с островами, иные вообще уходят на морское дно, – и поехал бы за кладом в компании парочки бывших спецназовцев, владеющих всеми видами защиты и нападения. А Грядущий, получив клочок пергамента, быстренько уложил бы рюкзак, наутро рванул в порт, спросил на бегу, какая тут галоша чешет до Индийского океана, нелегально загрузился в трюм и лишь тогда задумался – хватит ли ему на дорогу шести банок тушенки. Когда я читал про его экспедиции к загадочным местам, они именно так и выглядели. Постоянно возникали пассажи вроде такого:

«Я напоролся на сучок, после чего резиновый сапог можно было выбрасывать. Мы вернулись в деревню, где я купил почти целые сапоги у деда Трофима, и опять направились к той поляне.»

Человек, который собрался неделями ходить в резиновых сапогах по сучкам, вообще-то берет с собой соответствующий клей, кусок наждачки и заплатки, а не возвращается за тридцать километров к деду Трофиму. Вот другая прелесть:

«Вася свалился с высокой температурой. Я оставил его в палатке и пошел в сторону шоссе. Не знаю, за кого принимали меня шоферы-дальнобойщики, но остановился только шестой или седьмой по счету КамАЗ. Разжившись аспирином, я вернулся на стоянку...»

За идиота они тебя принимали, Грядущий, злобно думал я. За идиота, который не в состоянии собрать походную аптечку.

И тем не менее он добирался до каких-то странных овражков и распадков, где брошенная в сторону сухой сосны консервная банка, пролетев метра три, начинала таять в воздухе. Эксперимент с привязанной веревкой чуть не кончился плохо – банка потянула за собой Грядущего, он испугался, выпустил веревку, и она, медленно змеясь по воздуху, втянулась в туманное пятно, окружившее место исчезновения консервной банки.

Он так занудно описывал события до эпизода с банкой, что всякий читатель поневоле бы понял: у автора фантазии нет, не было и не предвидится. Так что замедленный полет веревки, очевидно, имел место.

Почему-то я представлял себе этого Грядущего худощавым и подвижным мужичком средних лет, с сухим невыразительным лицом, с очень светлыми глазами, а пуговицы у него непременно пришиты проволокой (про такую методу мне еще дед-фронтовик рассказывал). То есть, женщины в его жизни если и появлялись, то ненадолго.

И еще. С одной стороны, у него напрочь отсутствовало чувство юмора. Он относился к своим поискам с серьезностью, заслуживавшей лучшего применения. И именно так их описывал. С другой стороны, псевдоним. Чтобы до такого додуматься, нужно быть человеком веселым. Возможно, юмором отличался именно его консультант.

Мои соображения о том, где искать Грядущего, вместе с отсканированными статьями (изначальными, не прошедшими моей обработки, потому что я, доводя их до неузнаваемости, обычно менял почти всю географию), были отправлены Витьке.

То, что письмо оказалось прочитано вражьей партией еще до отправки, – это само собой разумеется.

Витька поблагодарил, заглянул еще раз, кое-что уточнил (я неоднократно повторил, что автор статей десятилетней давности может оказаться покойником) и пообещал держать меня в курсе поисков. Возможно, к тому дню у меня дома уже работал «клоп», исправно передавая нашу беседу вражьей партии.

И тут я устраниюсь. Хотя бы потому, что Витька исчез, меня никто не беспокоил, строительство бункеров и блоков на берегу озера кое-как продолжалось, а что происходило на самом деле – я действительно не знал. Потом, конечно, узнал из рассказов очевидцев. Вот они пусть и перенимают эстафету повествования.

Год 1754

Путешествие беременной великой княгини Екатерины Лексевны из Москвы в Петербург было рассчитано попросту: двадцать девять почтовых станций между этими городами – и двадцать девять дней положили на путь. Так распорядилась государыня Елизавета Петровна, имея в виду не потревожить сорой ездой по ухабам имеющее родиться чадо. Поезд растянулся на несколько верст, и немудрено, что в иных каретах крестного хода не видели даже издали.

В самом хвосте тащились два человека, чьи имена включили в список свиты чуть ли не за день до отъезда. Один из них был великий забавник, умеющий рассмешить даже самую скорбную харю, Лев Нарышкин, другой – черноглазый красавец-камергер Сергей Салтыков. Они угодили во временную опалу к императрице Елизавете из-за амурных проказ: оба чересчур подружились с великой княгиней. А опальных двор не то чтобы не любил – предпочитал не замечать. Вот они и сидели себе тихонько в карете, разгоняя дорожную скуку вином и картами.

Путешествие к свиданиям не располагало, за Екатериной Лексевной был налажен бдительный присмотр, однако добрые люди переносили сказанные второпях нежные слова и в ту, и в другую сторону.

Таким образом получилось, что на следующем ночлеге в палатку, занимаемую обоими проказниками, прибежала молодая особа в голубом атласном плаще, капюшон которого так прикрывал высоко взбитую прическу, что и личика было не разглядеть.

В палатке развлекались карточной игрой древнего египетского происхождения. Модный и всеми любимый фараон для дороги подходил мало – он требовал сурового напряжения души и солидных денежных средств, да еще особый картежный этикет требовал всякий раз распечатывать две новые колоды. А на месяц пути колод не напасешься. Так что очень кстати пришлось те два кавалера, с которыми Салтыков и Нарышкин душевно сошлись в последние два дня.

Кавалеры, едуци по своим частным делам, оказались соперниками опальных господ в сражении за обед, которого, кстати, на той почтовой станции и быть уже не могло – нарышкинская карета в Санкт-Петербург тащилась последней, за ней ползли разве что телеги с мебелью и всевозможным скарбом да ехали замыкающие обоз полицейские драгуны. Для охраны поезда великой княгини собрали их со всего тракта и даже позаимствовали людей в тех двух ротах, которые никогда не покидали пределов Москвы.

Новые знакомцы были не чванливы, не забиячливы, их можно было даже назвать людьми светскими, и они увязались провожать царский поезд, не считаясь со временем.

Один из них, по прозвищу Костомаров, был молод, высок и статен, разговорчив не в меру, хотя и с забавным выговором – словно бы жил не в России, и словечки вворачивал диковинные, и руками размахивал несообразно. Однако его модная развязность раздражала опального и лишенного обычных своих приятелей Салтыкова куда меньше, чем коротковатый кафтан и отсутствие обязательных для носящего шпагу дворянина буклей.

Онний Костомаров удивил обоих придворных, наотрез отказавшись играть в модные игры и объявив, что в Париже мода настала на все египетское. Он поделился секретом игры, в которую и библейский фараон тешился, имя той игре было почему-то с простонародным русским душком – «бура». Однако в переложении с египетского выходило «главного божества потеха», и в подтверждение господин Костомаров много чего поведал о фараоновом божестве с именем Ра.

Другой же знакомец, лет сорока, в паричке, который был ему велик и ползал по голове, словно живой, вел себя не в пример скромнее, египетских идолов все не поминал, но время от времени вдруг раздражался фразой на языке, в котором невозможно было признать ни французского, ни итальянского наречия, но, возможно, это было аглицкое. По-русски он выражался в основном односложно, однако был предупредителен и услужлив.

Только кавалеры, расположившись в походной палатке, откупорили бутылки и раздали карты, как снаружи донеслось настойчивое мяуканье.

Тайный этот знак ввел в моду Левушка Нарышкин, сам он изображал мартовского кота совершенно бесподобно, великая княгиня вмиг освоила тонкое искусство, пришлось учиться и придворным девицам. Да что говорить, коли и сама государыня покровительствовала кошкам и могла тратить немалое время на игры с ними...

Сергей Салтыков, вскочив, отпихнул лакея и самолично впустил посетительницу. Увидев посторонних, она засмушалась и на вопросы отвечала сперва кратко, однако оба гостя деликатно отвернулись и занялись подсчетами в записной книжке, одной на двоих.

– Ну, что она, как она? – взволнованно спрашивал Салтыков. Основания для беспокойства у него было основательнее, чем у самого великого князя Петра Федоровича, потому что к интересному положению княгини он был в некотором роде более причастен.

– Тоскуют, плакали вечером... – тут посланница, увидев, как переменялось лицо Салтыкова, добавила невпопад: – Кланяться велели!

– Что еще?

– Потом книжку читали, о божественном толковали. О перстах небесных.

– О каких таких перстах? – предчувствуя повод для веселья, вмешался Нарышкин.

– Убогому у храма они милостыню подали, он о перстах смешно сказывал – пятна-де по небу плывут, а то – Господь оттуда перстами упирается и дыры продавливает! И через те персты и дыры он нам время посылает...

– Экий бред! – воскликнул камергер. Посланница отстранилась. Живость выражения показалась ей возмутительной.

– Они иначе рассудили.

– Время – через персты? Или через дыры? – Салтыков был в большом недоумении. Он искренне не понимал, что великая княгиня нашла разумного в такой дури. Опять же – она от скуки читает книги философические, которых никто другой в здравом уме и листать бы не стал...

– А здоровье княгинино какво? Не растрясло ли ее? – догадался спросить Нарышкин. Посланница, обрадовавшись простоте вопроса, стала рассказывать все, что знала. Писать же записки и той и другой стороне было опасно – ну как перехватят? Из-за глупой записочки и в ссылку отправить могут. Вон Захар Чернышов – до сих пор беды не расхлебает, а только-то и было с великой княгиней, что смешки да рукопожатия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.